

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВЪ ДОМОСТИ.

15 ІЮЛЯ

№ 14.

1868 ГОДА.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ: 1 и 15 числа, съ Іюля 1861 года Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сереб съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбовской Духовной Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУНОДА:

а) отъ 14 іюня 1868 г. *Относительно возобновенія пенсій Священнослужителямъ Епархіальнаго вѣдомства.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Исправляющаго должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 12 минувшаго апрѣля за № 4096, съ изъясненіемъ заключенія Хозяйственнаго Управленія, по возбужденному Департаментомъ Государственнаго Казначейства вопросу о томъ, могутъ ли быть возобновляемы Духовнымъ лицамъ, на основаніи ст. 14 Уст. пенс., пенсіи, прекращенныя, за поступленіемъ сихъ лицъ вновь на Епархіальную службу, при увольненіи ихъ отъ вторичной службы, со дня такового увольненія. П р и к а з а л и: Принимая въ соображеніе, что по ст. 1 и 21 Временныхъ Правилъ о пенсіяхъ священнослужителямъ Епархіальнаго вѣдомства и семействамъ ихъ, священнослужители, выходя въ отставку, получаютъ право на полученіе пенсій по соразмѣрности лѣтъ, проведенныхъ ими на службѣ, если толь-

во въ продолженіе вторичной службы они не потеряли права на пенсію, Святѣйшій Синодъ, согласно съ заключеніемъ Хозяйственнаго при ономъ Управленія, признаетъ необходимымъ, въ разъясненіе могущихъ быть по сему предмету недоразумѣній, сообщить по духовному вѣдомству циркулярнымъ указомъ, что въ порядкѣ возобновленія пенсій лицамъ, коимъ производившіяся пенсіи прекращены были по случаю поступленія ихъ снова на службу по Епархіальному вѣдомству, слѣдуетъ руководствоваться тѣми же правилами, какія установлены для первоначальнаго назначенія пенсій.

б) отъ 26 апрѣля. *О награжденіи лицъ духовнаго званія, по Тамбовской епархіи.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Исправляющаго должность Синодальнаго Оберъ Прокурора, отъ 16 апрѣля за № 1835, коимъ изъясняется, что, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, онъ имѣлъ счастье повергать на Высочайшее ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА благоусмотрѣніе два списка духовнымъ лицамъ, удостоиваемымъ награжденія знаками отличія. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, въ 16 день апрѣля, Всемилосивѣйше соизволилъ утвердить всѣ предположенныя награды. Господинъ Исправляющій должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора, объявляя о сей Монаршей волѣ Святѣйшему Синоду къ надлежащему исполненію, присовокупляетъ, что состоявшіеся въ тотъ же день именныя Высочайшіе указы на имя Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, о тѣхъ изъ удостоенныхъ лицъ, которымъ Всемилостивѣйше пожалованы ордена, препровождены имъ къ Г. Канцлеру орденовъ, для зависящаго распоряженія. Въ числѣ духовныхъ

лицъ за епархіальную службу по Тамбовской епархіи Все-
милостивѣйше удостоены: 1., сопрічисленія къ орденамъ:
Св. Анны 2 ст. Протоіерей Симеонъ Чикаревскій и Св.
Св. Анны 3 ст. Протоіерей Іоаннъ Несмѣловъ и Священникъ
Николай Карамзинъ. 2., Награжденія: а) *наперсными*
крестами, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемыми: Игуменъ
Иларій, Протоіерей Василій Чернѣвскій; Священники—Ни-
колай Бодровъ, Тимонъ Ивинскій и Павелъ Тихомировъ. б)
камилавками: Протоіерей: Петръ Аквилоновъ и Іоаннъ
Сперанскій; Священники: Іоаннъ Дубровскій, Ѳеодоръ Бѣля-
ковъ, Василій Аладинскій, Василій Вадковскій, Павелъ
Славолюбовъ, Маркъ Сергѣевъ, Трифонъ Громковскій и
Ѳеодоръ Ракшинскій; и в) *скуфьями*: Священники: Ер-
милъ Критскій, Іоаннъ Новосельскій, Никаноръ Васильковъ,
Матвѣй Лебедевъ, Іоаннъ Доброхотовъ, Димитрій Бѣлови-
довъ, Іоаннъ Поповъ, Павелъ Благодаровъ, Григорій Ост-
ровскій, Петръ Камневъ, Зиновій Ландышевъ, Алексѣй Вы-
сокополянскій, Аѳанасій Павперовъ, Іаковъ Сеславинскій,
Василій Покровскій, Ксенофонтъ Бѣльскій, Іоаннъ Кедринъ,
Петръ Хрисанфовъ, Михаилъ Рождественскій, Емельянъ
Троицкій, Іоаннъ Гроздовъ, Сергій Владимірскій, Гаврилъ
Смирновъ, Михаилъ Свѣтозаровъ, Александръ Аристовъ,
Василій Тихомировъ, Іоаннъ Лебедевъ, Іоаннъ Романовскій,
Іоаннъ Добротворцевъ, Петръ Казанскій, Матвѣй Ласицкій,
Димитрій Громовъ и Евѳимій Громковъ. П р и к а з а л и:
о Всемилоствѣйшемъ пожалованіи поименованныхъ ду-
ховныхъ лицъ знаками отличія, дать знать по принадлеж-
ности указами: Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіе-
реямъ, Главнымъ священникамъ Гвардіи и Гренадеръ и
Арміи и флотовъ, съ препровожденіемъ при тѣхъ указахъ
и самыхъ знаковъ отличій, отъ Святѣйшаго Синода выда-
ваемыхъ, для возложенія на пожалованныхъ.

На этомъ указъ резолюція, Его Преосвященства 1-го сего іюля дана таковая: „Высочайшія награды разослать изъ моей домашней канцеляріи по принадлежности, съ требованіемъ отъ каждаго изъ награжденныхъ лицъ увѣдомленія о полученіи слѣдующей награды, съ приложеніемъ добровольнаго пожертвованія въ пользу Попечительства.“

Отъ 8 марта сего 1868 года. *Указъ Правительствующаго Сената (по Департаменту Герольдіи) о производствѣ въ чины служащихъ лицъ въ Тамбовской Духовной Консисторіи и Моршанскомъ Духовномъ Правленіи, нынѣ упраздниномъ.*

Въ Падворные Совѣтники—Смотритель дома Тамбовскаго Училища дѣвицъ Духовнаго званія, онъ же Помощникъ Секретаря, Столоначальникъ и Дѣлопроизводитель Училищнаго Управленія Коллежскій Ассесоръ Авксентій *Розановъ*, съ 22 іюля 1867 года.

Въ Губернскіе Секретари—Коллежскіе Регистраторы, канцелярскіе чиновники Консисторіи: Алексѣй *Никольскій*, со 2 іюня, и Михаилъ *Розановъ*, съ 28 ноября 1867 года.

Въ Коллежскіе Регистраторы—канцелярскіе служители: Консисторіи Петръ *Крыловъ*, съ 27 ноября, и Моршанскаго Духовнаго Правленія Алексѣй *Алатовъ*, съ 1 марта 1867 г.

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

1) *Объ опредѣленіи на священнослужительскія мѣста.*

Студентъ Семинаріи Петръ *Федоровъ* опредѣленъ въ село Пеньки Моршанскаго уѣзда, на мѣсто священника Михаила Моршанскаго.

Студентъ Семинаріи Алексѣй *Сохранскій* опредѣленъ въ село Чубарово Елатомскаго уѣзда, на мѣсто священника Ивана Добровольскаго.

Воспитанникъ Семинаріи Федоръ *Ястребцевъ* опредѣленъ во священника въ село Нижне-Спаское Тамбовскаго уѣзда, на мѣсто умершаго священника Павла Боганскаго.

Воспитанникъ Семинаріи Николай *Громовъ* опредѣленъ во священника въ село Саблино Шацкаго уѣзда.

Воспитанникъ Семинаріи Яковъ *Успенскій* опредѣленъ во священника въ село Арапово Тамбовскаго уѣзда, на мѣсто священника Тимофея Богоявленскаго.

Воспитанникъ Семинаріи Павелъ *Бляковъ* опредѣленъ во священника въ село Мердуши Темниковскаго уѣзда.

Воспитанникъ Семинаріи Иванъ *Голубевъ* опредѣленъ во священника въ село Салозгори Спаскаго уѣзда.

Воспитанникъ Семинаріи Алексѣй *Салтыковъ* опредѣленъ во священника въ село Матчи Темниковскаго уѣзда, на мѣсто священника Матвѣя Зарубинскаго.

Воспитанникъ Семинаріи Алексѣй *Матчинскій* опредѣленъ во священника въ село Пертово Шацкаго уѣзда.

2) *О награжденіи набедренниками за особенно-усердную пастырскую службу.*

Награждены набедренниками священники: Тамбовскаго уѣзда—села Чернавки, нынѣ села Шахмани Димитрій *Новопокровскій*;—села Земячины Кириллъ *Доброхотовъ*;—села Красногородской Крѣуши Михаилъ *Родионовъ*; Борисоглѣбскаго уѣзда—села Николаевки Иванъ *Кремлевскій*, села Александровки Иванъ *Павперовъ*, села Березовки Николай *Серіевскій*; Темниковскаго уѣзда села Стандрова Иванъ *Добровъ*.

3) *О доставленіи Благочинными суммъ на воспо-собленіе духовенству.*

Консисторія вмѣняетъ въ обязанность Благочиннымъ епархій представить въ Консисторію сумму, слѣдующую съ священнослужителей ихъ округа для причисленія къ спеціальнымъ средствамъ духовнаго вѣдомства, на воспо-собленіе духовенству, не позже 1-го будущаго сентября мѣсяца, для отсылки оной по принадлежности.—

III.

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ“

въ 1868—69 году.

Въ составъ журнала, будутъ входить статьи трехъ родовъ:

1) Собственно *духовно-назидательныя*, относящіяся къ вѣроученію, богослуженію и управленію православной церкви,—въ формѣ поученій, размышленій, разговоровъ, писемъ, описаній и рассказовъ изъ жизни частныхъ лицъ. Сюда будутъ относиться, между прочимъ, небольшія извле-

ченія изъ Св. Писанія, отеческихъ писаній и богослужебныхъ книгъ съ краткими поясненіями. Сюда же будетъ относиться рядъ педагогическихъ совѣтовъ для родителей и воспитателей по руководству Св. Писанія.

2) *Статьи историческаго содержания.* Очерки изъ исторіи церкви ветхозавѣтной и новозавѣтной. Очерки событій и предметовъ изъ исторіи гражданской, общей и отечественной, въ особенности такихъ, которые находятся въ связи съ событіями исторіи церкви. Черты нравственнаго характера, въ частности любви къ родинѣ, изъ жизни разныхъ историческихъ лицъ. Замѣчательныя изреченія ихъ.

3) *Современныя замѣтки.* Мысли по поводу разнаго рода замѣчательныхъ явленій въ жизни общественной, въ особенности церковной, какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и у заграничныхъ единовѣрцевъ нашихъ, а частію и иновѣрцевъ; также по поводу возбуждающихъ въ данное время особое вниманіе замѣчательныхъ явленій природы. Описанія разныхъ благотворительныхъ учрежденій и школъ. Описанія замѣчательныхъ произведеній современнаго религіознаго искусства. Краткіе отзывы о замѣчательныхъ произведеніяхъ литературы, въ частности указаніе книгъ, полезныхъ для церковно-приходскихъ библіотекъ и для школъ. Сюда же будутъ относиться замѣтки практическаго характера по вопросамъ о преподаваніи разныхъ предметовъ и о воспитаніи дома и въ школѣ; замѣтки гигиѣническія;— объ общепользныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ.

Журналъ будетъ выходить по прежнему еженедѣльно, съ праздника св. Пасхи, нумерами въ печатный листъ и болѣе. *Цѣна за годовое изданіе Воскреснаго Чтенія безъ пересылки и доставки три руб. сер., съ пересылкою во всь города и доставкою на домъ въ Кіевъ четыре р. с.* Также ц. э. журнала за XXIX (1865—66), XXX (66—67) и XXXI (67—68) г.

Подписка принимается преимущественно въ редакціи журнала при Кіевской Духовной Академіи, а также въ Москвѣ у книгопродавца А. Н. Ферапотнова, въ С.-Петербургѣ у С. И. Литова.

Изъ той же редакціи можно выписывать:

I. Экземпляры *Воскреснаго Чтенія* за первые 28 лѣтъ существованія журнала. Имѣются въ продажѣ слѣдующіе годы: I (1837—38), II (38—39), IV (40—41), V (41—42), VI (42—43), VII (43—44), IX (45—46), X (46—47), XI (47—48), XII (48—49), XIV (50—51), XV (51—52), XVI (52—53), XVII (53—54), XVIII (54—55), XIX (55—56), XX (56—57), XXI (57—58), XXII (58—59), XXIII (59—60), XXIV (60—61), XXV (61—62), XXVI (62—63), XXVII (63—64), XXVIII (64—65), Цѣна за экз. каждаго года съ перес. ДВА руб. сер. Выписывающіе одновременно не менѣе 10 экзempl. *Воскреснаго Чтенія* прежнихъ годовъ платятъ только по 1 р. 50 к. с. за экземпляръ и получаютъ бесплатно *указатель* къ 25 годамъ *Воскр. Чтенія*. Цѣна *указателю* отдѣльно 50 к. с.

II. Труды Киевской Духовной Академіи (ежемѣсячное изданіе, 12 книжекъ въ годъ) за 1868 годъ Цѣна 6 р. с., съ перес. Таже цѣна за 1867 г. А имѣющіеся еще въ редакціи экземпляры прежнихъ 1860—1866 годовъ уступаются по 3 р. с., за каждый годъ.

Редакторъ: Протоіерей Іоаннъ Москвитинъ.

Съ дозволенія цензуры 12 Іюля 1868 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

15 ІЮЛЯ

№ 14.

1868 ГОДА.

КАКЪ СОСТАВИТЬ ПРОПОВѢДЬ?

(Продолженіе.)

б) О предметахъ на знаменательные дни.

Эти знаменательные дни и случаи суть: большіе праздники церковные, царскіе дни и происшествія государственныя или частныя—городскія или сельскія, семейныя или общія. Пропускать сін дни безъ поученія никогда не должно: ибо они представляютъ удобнѣйшій случай сказать слово съ плодомъ, когда всеъ подготовлены и ждутъ его. Предметъ данъ — это мысль дня и случая. Здѣсь—

1) Главное правило: не отступай отъ мысли дня и случая. Слушатели настроены на извѣстный ладъ, слушали службу и заняты однимъ. Какъ не хорошо, когда проповѣдникъ заговоритъ о другомъ! Слушателямъ непріятно, и проповѣдникъ самъ губитъ свой успѣхъ, насилуя вниманіе.

2) Каждый изъ сихъ случаевъ имѣетъ свой кругъ мыслей,—мысль главную и побочныя... Дѣлай выборъ изъ нихъ, такъ же какъ дѣлаютъ выборъ текста, т. е. мысль одну, назидательную, не общую, а болѣе частную, и тебя самого занимающую. Но никогда не выходи изъ круга прилич-

ныхъ случаю мыслей, и изъ сихъ лучше держись той, которая ближе другихъ.

3) Если занявшая тебя мысль велика, между тѣмъ назидательна, раздѣли ее, если имѣешь свободу и возможность, на нѣсколько поученій. Эту возможность даютъ недѣли предпразднственныя и попразднственныя, — а также три раздѣльныя службы: вечерня, утрениа и литургія.

4) На всѣ сии случаи есть большею частію свои собственныя чтенія св. Писанія. Гораздо лучше заимствовать свой предметъ изъ сего чтенія. Однакожъ не должно стѣснять и себя, коль скоро представляется предметъ приличный и назидательный, котораго нельзя вывести ни изъ одного текста положеннаго чтенія. Нужно только позаботиться о томъ, чтобъ прибрать къ сему предмету приличный текстъ изъ другихъ мѣстъ Писанія, т. е. такой текстъ, который бы прямо выражалъ избранный предметъ, или такой, по крайней мѣрѣ, изъ котораго прямо и безъ натяжки можно бы вывести сей предметъ. Говорятъ и безъ текстовъ. Но лучше, если прибрать текстъ. Не будетъ казаться, что проповѣдникъ говоритъ будто отъ себя; проповѣдь будетъ статиѣе и сильнѣе; слушатели между тѣмъ незамѣтно изучать слово Божіе — живое и дѣйственное. Почему знать, можетъ быть проговоренный текстъ пройдетъ въ сердце и произведетъ тамъ то, что не сильна произвестъ и самая проповѣдь. Проповѣдникъ же не долженъ ничѣмъ пренебрегать, отъ чего можетъ ожидать впечатлѣнія на душу.

5) Въмѣсто текста въ дни нарочитыхъ праздниковъ, въ дни царскіе, знаменательныя недѣли можно брать тропари, стихиры и молитвы церков-

няя. Выборъ ихъ и выводъ изъ нихъ предмета подлежитъ тѣмъ же правиламъ, какимъ и выборъ текста и выводъ изъ него. Но и еще лучше; если берется главная мысль, составляющая содержание службы, и развивается такъ же, какъ она развита въ службѣ.

б) Мысли дней церковныхъ видны въ Евангеліяхъ и Апостолахъ, и пареміяхъ, цѣлыхъ службахъ, въ синаксарѣ. Мысль царскихъ дней..... о силѣ и власти царя, его отношеніи къ подданнымъ, отношеніи подданныхъ къ нему,—и вообще гражданскія добродѣтели. Частное происшествіе—случайное долженъ освятить религіозно-нравственною мыслию проповѣдникъ,—мыслию приличною, здоровою и успокоительною.

в) *О выборъ предметовъ проповѣдникомъ—пастыремъ, соотвѣтственно его назначенію.*

Проповѣдникъ-пастырь можетъ держаться другаго порядка въ выборѣ предметовъ для своихъ поученій. Что онъ долженъ учить,—это и доказывать нѣтъ нужды. Что за пастырь молчащій? Онъ долженъ сказать всю волю Божию, воспитать свою паству въ вѣрѣ и благочестіи, раскрыть имъ все одно за другихъ. — Какъ это сдѣлать?

Обыкновенно тѣ, кои говорятъ часто, или даже постоянно, говорятъ безъ общаго плана, дробленно, о чемъ хотятъ, или къ чему подають поводъ дневныя чтенія и случаи. Во всѣхъ почти собраніяхъ проповѣдей есть только порядокъ недель, а предметы все разбиты. Не было руководительной мысли, одного соображенія, которое бы управляло всею и всему сообщало цѣлость. — (Наприм., о вѣрѣ въ Иисуса Христа; 2. по приго-

говленіи себя къ суду Божию; 3., о познаніи Иисуса Христа; 4., о м литвѣ; 5., о трудѣ; 6., о словѣ Божіемъ; 7., о врагахъ спасенія. Какъ это не выгодно! Трудъ есть, а цѣль не достигается. Одно поученіе не поддерживается другимъ; если предметъ *общъ*, онъ обозрѣвается бѣгло; если *частень*, то безъ связи съ другими остается не совсѣмъ яснымъ, безсильнымъ, не занимаетъ всей души, и скоро исчезаетъ, не оставляя слѣда въ жизни. — Оттого такія поученія и бесплодны. Между тѣмъ проповѣдникъ одинъ и тотъ же, бесѣдуетъ съ одними и тѣми же. Что за нужда ему дѣлать такіе скачки и говорить нынѣ о томъ, о чемъ въ прежній разъ и помину не было и не предполагается въ слѣдующій? Почему не избрать одного цѣлесообразнаго плана для своихъ наставленій? И должно; иначе не будетъ плода отъ слова.

Каковъ долженъ быть этотъ планъ? Планъ системы не гождь. Онъ слишкомъ широкъ, длиненъ, утомителенъ, и совсѣмъ не по слушателямъ, кои не обыкли отъ общаго идти къ частному, но узнаютъ все по частямъ. Надобно разнообразить наставленія, но вмѣстѣ такъ, чтобъ они не были раздроблены. — Лучше всего это выполнить рядами проповѣдей, измѣняющихся въ содержаніи, по указанію потребностей паствы или кругу церковному. Такъ—

Всякая истина вѣры, всякая заповѣдь есть предметъ общій, имѣющій разныя стороны. Понять его хорошо нельзя, какъ только тогда, какъ будутъ разъяснены все е о стороны. Между тѣмъ одна проповѣдь не вмѣститъ всего: время для нея коротко, и все выслушать утомительно. Назначь для него нѣсколько поученій, чтобъ начавши объ

одномъ, и не прерывать, пока не будетъ высказано все. Объяснивши одинъ предметъ, берись за другой и т. д. Т. е. говори связными рядами поученій объ одномъ и томъ же предметъ. — (Напр. у преосвящ. Иакова вотъ какой былъ рядъ поученій о смерти: 1.) Что есть смерть? 2.) Какое различіе между смертію и сномъ? 3.) Почему смерть страшна? 4.) Почему не должно бояться смерти? 5.) Надобно быть всегда готову къ смерти. 6.) О случаяхъ въ предсмертныя часы. 7.) Полезно ли поболтать предъ смертію? 8.) Кто благоразумно и неблагоразумно проводитъ время предъ смертію? 9.) Какъ чувствуютъ себя умирающіе? 10.) Что дѣлается съ тѣломъ по смерти? 11.) Что бываетъ съ душою по смерти тѣла? — См. том. 2.) Предметъ раскрывается все больше и больше, каждое поученіе подкрѣпляется другимъ, а все въ совокупности не можетъ не оставить сильнаго впечатлѣнія на душу.—Такимъ образомъ одинъ предметъ за другимъ будетъ уясняться, паства будетъ постепенно просвѣщаться, возрастать въ Боговѣдѣніи и усовершаться въ благожитіи. «Лучшій способъ наставленія — говорить св. Златоустъ, (*) не переставать, что бы то ни было, дотолѣ, пока не увидишь, что внушеніе перешло въ дѣло. Кто говоритъ сегодня о милостынѣ, завтра о молитвѣ, послѣ-завтра о кротости, потомъ еще о смиренномудріи, тотъ не доведетъ своихъ слушателей ни до одной изъ сихъ добродѣтелей, потому что онъ постоянно перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому, и отъ этого опять къ и-

(*) Бесѣд. къ Ант. народ. ч. II бесѣд. 7 о Давидѣ и Соломонѣ, стр. 134.

ному. Напротивъ, кто хочетъ, чтобы слушатели исполняли на дѣлѣ слова его, тотъ долѣе не долженъ прекращать свое увѣщаніе и совѣты объ одномъ и томъ же предметѣ и переходить къ другому какому нибудь, пока не увидитъ, что прежнее увѣщаніе хорошо укоренилось въ нихъ!!

Какого порядка держаться въ распредѣленіи самыхъ рядовъ?—Держись того, какой по твоему искреннему убѣжденію ведетъ прямо къ цѣли, то есть, наученію и исправленію всѣхъ.—Любовь къ св. вѣрѣ Христовой и къ твоей паствѣ укажетъ самый вѣрный порядокъ. Но есть и внѣшніе вѣрныя указатели и руководители. Это—1, народъ учаемый и 2, св. церковь.

1) Находясь въ непрестанномъ общеніи съ паствою, легко можешь узнать, что она знаетъ и чего не знаетъ, что знаетъ вѣрно и полно, и что не вѣрно и не полно; также,—что въ ней исправно по жизни, и что не исправно,—какая есть добродѣтель и какой недостатокъ.—Руководительная нить для тебя—души пасомыхъ, ихъ недостатки, ихъ желанія, ихъ потребности. Что больше имъ нужно, о томъ и начинай говорить. Что слушать больше желаютъ, то и внушай имъ.

2) Второй указатель порядка для рядовъ поученій есть кругъ церковный. Весь годъ почти такъ распредѣленъ, что каждая часть его имѣетъ особый свой смыслъ. Огъ недѣли Мытаря и Фарисея до поста, недѣли поста, страстная седмица, свѣтлая седмица;—недѣли пятидесятницы,—и далее постъ. Петровъ, Успенскій, Воздвиженіе, Филипповъ постъ, дни Рождественскіе.... Каждая изъ сихъ частей церковнаго круга привлекаетъ и свой кругъ мыслей и истинъ. Объ нихъ и говори. Они

уже впечатлѣны и занимаютъ, пасомые готовы и желаютъ слушать объ нихъ. Это готовая жатва. И такъ говори о постѣ, исповѣди и причащеніи—постомъ; объ искупленіи—предъ страстною седмицею и въ страстную; о Пресвятой Троицѣ—около Троицы, и проч.

При всемъ томъ, однакожь, ведя такіе ряды наставленій, надобно не упускать изъ виду общаго состава Вѣры, и единой цѣли—созиданія духа пасомыхъ; перваго—для того, чтобъ чего ни опустить, и второй—чтобъ напомнить, иногда и повторить то, что плохо принялось. Ибо сила не въ томъ, чтобъ сказать все, но чтобы все было понято, усвоено,—вошло въ жизнь.

Когда все такимъ образомъ будетъ не только объяснено, но и принято, по частямъ, — какъ хорошо сдѣлать общій обзоръ всего и все привести въ порядокъ и взаимное соотношеніе. Блаженъ пастырь, который доведетъ свою паству до такого совершенства!

Послѣ догматовъ, правилъ жизни, таинствъ и священнодѣяній, иди въ исторію, и повѣдай чудеса Божія въ церкви вообще и въ своей отечественной,—разскажи дѣянія Спасителя, изъясняй св. писаніе, толкуй великую книгу природы. Здѣсь будетъ повторяться все пройденное прежде, уясняться, углубляться, не наводя, однакожь, скуки повтореніемъ и однообразіемъ.

Съ самаго вступленія на паству приучай себя къ такому порядку проповѣданія, въ увѣренности, что только такимъ образомъ можешь добросовѣстно исполнить свой долгъ, и ожидать успѣха отъ своихъ трудовъ. Не мѣшай, однакожь, при выборѣ порядковъ имѣть во вниманіи и свой

возрасть. Не все то прилично начинающему, что прилично пожилому священнику. Напр. говорить о семейныхъ добродѣтеляхъ, не живши семейно; — о воспитаніи дѣтей, не имѣя ихъ; — о смерти, не хоронивши никого. Всему свое время. Поживешь, усѣнешь о всемъ переговорить.

Избранный предметъ осмотри внимательно, приспособи къ своимъ и благонадежно проповѣдуй, чтобъ не бить напрасно воздуха. Выполняя рядъ, связывай одно поученіе съ другимъ, и не прерывай ихъ, пока не кончишь. Если какой день знаменательный перебѣтъ, скажи рядовое поученіе на утрени. Въ концѣ всѣхъ поученій объ одномъ, сдѣлай обзоръ, съ теплѣйшимъ внушеніемъ и приложеніемъ.

Примѣч. Священники иногда должны говорить проповѣди по назначенію, — въ городъ уѣздномъ или губернскомъ. Надобно знать, а) что не все то можно говорить въ городѣ, что въ селѣ (это не касается общихъ истинъ, а ихъ примѣненія); не такъ и говорить надобно въ городѣ, какъ въ селѣ. Горожане требуютъ и предмета повыше и отдѣлки лучшей. Однакожъ б) берегись увлечься мыслию — блеснуть новостію. Избери предметъ назидательный и обдѣлай прилично. в) Слушатели безвѣстны, и самъ имъ безвѣстенъ. Нельзя избирать предмета, который нельзя, какъ должно, примѣнить, не зная хорошо слушающихъ, — особенно такого, при коемъ надобно укорять. г) Только не *неради*. Не оставляй городской паствы голодать, — оправдай надежды назначившихъ тебѣ проповѣдь, — и особенно надежду архипастыря. Покажи, что въ его паствѣ есть пастыри, знающіе свое дѣло.

(Продолженіе будетъ.)

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О

БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГІИ,

Огюста Николя.

XIII.

ОБЪ ИСПОВѢДИ.

(Продолженіе)

Если кому желательно узнать, какіе изъ догматовъ, или что изъ практики христіанской наиболѣе достойно удивленія, тому достаточно только потрудиться разсмотрѣть, что изъ всего этого наибольше подвергалось порицаніямъ и брани: пѣна свидѣтельствуесть о достоинствѣ узды, сдерживающей лошадь.

Въ этомъ отдѣлѣ,—въ предположенномъ изслѣдованіи двухъ таинствъ, мы надѣемся указать особый предметъ изученія и доказать другую общую истину, — ту именно, что существенное свойство всего глубоко-мудраго и истиннаго состоитъ въ томъ, что оно по внѣшности представляется непонятнымъ и противурѣчивымъ, но преимущественно потому, что основанія его очень глубоки.

Займемся сначала исповѣдью. «Нѣтъ такого догмата въ Христіанствѣ, который не имѣлъ бы своихъ корней въ послѣднихъ основаніяхъ природы человѣческой, не опирался бы на какомъ нибудь прирожденномъ чувствѣ, какъ бы на собственномъ нашемъ существованіи, и слѣдственно на какомъ нибудь преданіи всеобщемъ и столько же древнемъ, какъ и самъ человѣкъ. Это особенно очевидно открывается въ догматѣ объ исповѣди и покаяніи.

Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, Христіанство раскрыло предъ человѣкомъ самаго человѣка; оно овладѣло его наклонностями, его вѣчными и всеобщими вѣрованіями, открыто выставило эти древнія основанія, отдѣлило ихъ отъ всякихъ наростовъ — отъ всякой сторонней примѣси, нашло въ нихъ печать Божественнаго достоинства; и на этихъ *естественныхъ* основаніяхъ утвердило свою *сверхъестественную* теорію о покаяніи и таинственной исповѣди.»

Эта мысль принадлежитъ Іосифу де Мэстръ. (*) Если онъ никогда не высказывалъ мысли, болѣе трудной какъ эта, для оправданія, за то онъ свободенъ здѣсь отъ упрека въ парадоксальности, упрека, которому онъ подвергался иногда больше, чѣмъ заслуживалъ; ибо его пламенный геній, подобно кометѣ, не свободенъ былъ отъ видимыхъ уклоненій, наводившихъ иногда страхъ. Мы попытаемся здѣсь оправдать его мысль.

1. Исповѣдь, по самому обыкновенному человѣческому взгляду, есть нечто иное, какъ плодъ *довѣренности*.

И что естественнѣе намъ, какъ такая довѣренность, такое сердечное движеніе, которое *располагаетъ насъ открыть другому тайну нашего сердца?* Этимъ выраженіемъ Боссюэта однажды воспользовался весьма удачно кардиналъ Шеверю (Cheverus). Въ бесѣдѣ съ нимъ дама, принадлежавшая къ протестанскому исповѣданію, высказала между прочимъ, что для нея въ религіи католической болѣе всего противно и отклоняетъ ее отъ принятія этой религіи узаконеніе касательно исповѣди. «Нѣтъ,

(a) Soirées, t. II, p. 233. Du Pape II, p. 439 и 443.

сударыня, отвѣчалъ любезный апостоль, въ нашемъ сердцѣ нѣтъ столько отвращенія къ исповѣди, какъ вы думаете; напротивъ, вы сознаете и чувствуете ея потребность и достоинство; ибо сколько уже времени, какъ вы исповѣдуетесь передо мною, сами того не сознавая. Исповѣдь есть нечто иное, какъ доврчивое раскрытіе болѣзней совѣсти, которыя вы желаете обнаружить передо мною съ тѣмъ, чтобы воспользоваться моимъ мнѣніемъ и совѣтомъ.» (*)

Потребность такой доврчивой откровенности прирождена сердцу человѣческому; и мы всѣ ее ощущаемъ въ горести, равно какъ и въ радости, и преимущественно въ горести. Всѣ мы сгибаемся подъ тяжестью печали, недоумѣнія, заботъ; въ такомъ случаѣ ищемъ около себя души, которая, умѣя взвѣшивать и переносить свои собственныя душевныя огорченія, согласилась бы войти съ участвіемъ въ наше положеніе, и мы не всегда находимъ такую душу. А такая услуга очень почтенна и дорога. Самые несчастные, то есть, наиболѣе имѣющіе нужду въ подобномъ наперетникѣ, и суть именно тѣ, кто наименше ищеть его и кто принужденъ молча упиваться собственными слезами за невозможностію найти сострадательную руку, которая согласилась бы благоразумнымъ участвіемъ ихъ осушить. Не менѣе ощущаютъ ту же потребность и самые счастливые, разумію тѣхъ, кто наиболѣе такимъ кажется; и если справедливо, что чѣмъ глубже и задушевнѣе скорби, тѣмъ онѣ жгучѣе, то вѣрно также и то, что такія скорби бываютъ самыя безутѣшныя, потому собственно,

(*) Vie du cardinal de Cheverus, p. 60.

что онѣ происходятъ отъ тѣхъ же лицъ, которымъ однимъ мы могли бы повѣрить ихъ, если бы они не были ихъ виновниками. И притомъ сколько бываетъ душевныхъ томленій *невыразимыхъ*, недоумѣній самыхъ щекотливыхъ, которыя было бы невозможно безопасно открывать кому бы то ни было; и сколько разъ легкомысленная довѣрчивость была причиною развращенія и гибели сердце, искавшихъ въ своей откровенности очищенія и утѣшенія! Тутъ недовольно только искать души внимательной, а необходимо найти душу чистую, осторожную, великодушную, опытную, просвѣщенную, и притомъ найти не на одинъ разъ по какому либо частному предмету, насъ занимающему, но на множество случаевъ по предметамъ, исключительно касающимся нашей личной жизни и имѣющимъ важное значеніе только для однихъ насъ. Гдѣ же найти подобную душу? И за недостаткомъ подобнаго утѣшителя, сколько бѣдныхъ сердець предаются пороку, или отчаянію!!

Справедливость всего этого можно видѣть особенно во времена переходныя, каково наше, когда непрестанное превращеніе состояній и интересовъ опекаетъ и уноситъ вдругъ столько честолюбій и надеждъ, и когда ослабленіе семейныхъ и общественныхъ узъ чрезъ такое разобщеніе довершаетъ развращеніе сердець, уже уязвленныхъ обманомъ. Отсюда такое множество взрывовъ! Общество настоящаго времени подобно машинѣ высокаго давленія, лишенной предохранительнаго клапана. Исполнѣнь, установленная Богомъ для облеченія душевныхъ страданій, была бы самымъ лучшимъ врачевствомъ противъ подобныхъ состояній; и всякій здравомыслящій человекъ, если бы хорошо

размыслилъ объ этомъ, пришелъ бы къ убѣжденію, что одно пренебреженіе его большею частію приводитъ ко всѣмъ этимъ самоубійствамъ и другимъ преступленіямъ, обагряющимъ кровію наши нравы, теперь посредствомъ кинжала, какъ прежде когда-то посредствомъ шпаги, и увеличиваетъ, во время общественныхъ потрясеній, эти пѣнящіяся массы недовольныхъ, которые недовольны обществомъ единственно потому, что недовольны сами собою.

Дѣйствительно, исповѣдь самымъ лучшимъ образомъ удовлетворяетъ этой великой потребности сердца человѣческаго. Для него нужно дружеское общеніе, полное откровенности и довѣренности. А исповѣдь предоставляетъ нашему выбору множество людей достойныхъ, дружба которыхъ составила бы честь и для самыхъ великихъ міра сего, но которые не отказываютъ въ своей дружбѣ и самымъ униженнымъ; такихъ людей, которые соединяютъ въ себѣ всѣ условія добродѣтели, просвѣщенія, опытности, какія рѣдко можно находить намъ или по счастливому случаю, или послѣ самыхъ тщательныхъ поисковъ, и которые вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются духомъ самоотверженія и любви, управляющимъ ихъ служеніемъ. По долгу своего званія, проходямаго ими вообще съ усердіемъ, они всякій часъ дня и ночи ожидаютъ васъ, кто бы вы ни были — бѣдные или богатые, ученые или невѣжды, и когда бы вы ни обратились къ нимъ, они готовы со всѣмъ вниманіемъ, терпѣливостію и неутомимостію выслушивать самыя презрѣнныя ваши слабости, безъ отвращенія входить въ самыя низкія подробности вашего положенія, сострадать вашимъ страданіямъ, и облегчать ихъ

уже тѣмъ, что выслушаютъ васъ, и къ тому еще утѣшать васъ указаніемъ средствъ и способовъ истощить самую причину вашихъ страданій, которая обыкновенно заключается въ нашихъ собственныхъ неправдахъ и винахъ; нерѣдко сами постараются помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ и во всякомъ случаѣ помогутъ вамъ переносить ваши страданія съ духомъ покаянія и преданности въ волю Божию, каковой духъ они тѣмъ лучше умѣютъ внушить вамъ, что вся жизнь ихъ служитъ примѣромъ его. Наибольшее достоинство этого удивительнаго учрежденія составляютъ два поразительныя условія. Первое изъ нихъ то, что пріемлющій исповѣдь по закону обязывается самую страшную клятвою ненарушимо хранить тайну исповѣди, и онъ остается столько вѣрнымъ этой клятвѣ, что въ самыхъ многочисленныхъ случаяхъ нельзя найти ни одного примѣра ея нарушенія, при всѣхъ критическихъ обстоятельствахъ, даже и тогда, когда духовникъ, къ несчастію, не остается вѣрнымъ другимъ своимъ обязанностямъ. Другое условіе то, что духовникъ обязанъ быть доступнымъ одинаково для всѣхъ. На эту черту надобно обратить особенное вниманіе. У подножія того мѣста, гдѣ предъ крестомъ и евангеліемъ принимается исповѣдь, какой бы степени священноцерковнослужитель ни занималъ его, всѣ званія и состоянія смѣшиваются и уничтожаются. Тутъ ни для кого нѣтъ ни преимуществъ, ни отличій. Всякая личность человѣческая, какова бы она ни была, имѣетъ право въ свою очередь подойти и удостоиться равнаго вниманія, равной сострадательности; и великій міра сего долженъ часто ожидать, и ожидать долго, когда надобно, причиненныя, быть можетъ, имъ огор-

ченія смиренному слугѣ облегчать тѣми же устами, которыя и для него самого хранить не менѣе успокоительныя наставленія. — Для духовника недостаточно даже и того, чтобы его дверь была открыта для всякаго проходящаго; нѣтъ, онъ самъ если нужно, долженъ идти, долженъ летѣть къ постели больного и умирающаго каково бы ни было ихъ жилище и состояніе, долженъ садиться на солому, на которой распростертъ больной, дышать его зараженными выдыханіями, не останавливаться даже предъ естественнымъ омерзѣніемъ и опасностію, удерживавшими отъ приближенія къ нему родныхъ, или друга; онъ долженъ восходить на эшафотъ челоуѣкоубійцы и, оставаясь единственнымъ и послѣднимъ утѣшителемъ несчастнаго, по всей справедливости отверженнаго людьми, долженъ вносить въ эту преступную душу любовь къ Богу и добродѣтели, представляя ему образъ ея со всею живостію.

И были же люди до того ослѣпленные, что издѣвались надъ исповѣдію! Пожалѣемъ объ нихъ.

II. Исповѣдь составляетъ не одно только установленіе откровенной довѣренности, но служитъ еще установленіемъ *исправительнымъ*, и въ этомъ отношеніи удовлетворяетъ не менѣе важнѣйшей потребности природы челоуѣческой.

Выслушайте, какъ говорить объ этомъ предметѣ язычскій писатель.

«Люцилій, что это за злая сила, увлекающая насъ отъ того, чего мы желаемъ, и увлекающая къ тому, чего мы отвращаемся? (а) Какъ и какимъ

(а) Это всегдашнее явленіе грѣховной похоти: *знаю добро, и дѣлаю зло*. Новѣйшіе лжеучители слишкомъ поздно

образомъ освободиться намъ отъ нея? Самъ по себѣ никто не имѣеть столько силъ, чтобы успѣть въ этомъ; нужно, чтобы кто нибудь другой подаль руку помощи и вытащилъ изъ этой бездны. Эпикуръ говоритъ, что одни достигали мудрости безъ посторонней помощи; а другіе, по его мнѣнію, имѣютъ нужду въ такой помощи.... Что до насъ съ тобою, мы не принадлежимъ къ первой категоріи; а напротивъ съ нами поступаютъ еще милостиво, когда относятъ насъ ко второй. И пусть поостерегутся презирать того, кто можетъ быть спасенъ помощію другаго; ибо очень много значить уже и желаніе быть спасеннымъ. Но къ кому же обратиться, скажешь мнѣ, — къ тому, или другому? Обратись къ тому, чья жизнь служить наставленіемъ, кто высказавши, что должно дѣлать, оправдываетъ это собственными дѣлами, кто учитъ, что должно дѣлать, и никогда не впадаетъ въ такіе проступки, которыхъ избѣгать совѣтуетъ другимъ. Избери руководителемъ того, кто убѣждаетъ больше тѣмъ, какъ его видятъ, нежели тѣмъ, что отъ него слышатъ» (а).

Эти совѣты, лучше которыхъ нельзя бы предложить и въ настоящее время о необходимости и

дошли до отрицанія этого противорѣчія въ нашей природѣ, объясняемаго и возстановляемаго однимъ христіанствомъ. Языческіе мыслители, съ большимъ безпристрастіемъ смотрѣвшіе на этотъ вопросъ, очень ясно его поставляли, хотя и напрасно усиливались разрѣшить его, такъ что въ настоящее время нельзя отнять у Христіанства честь Божественнаго успѣха въ этомъ дѣлѣ.

(*) Seneq., Lettre CCCCXI.

выборъ руководителя, сопровождаются у Сенени такимъ изображеніемъ философовъ, между которыми онъ предлагаетъ выбирать руководителя, что въ тоже время приходишь въ отчаяніе найти его когда нибудь. Христіанство удовлетворяетъ этой великой потребности своимъ священствомъ и установленіемъ исповѣди. Оно издавна образуетъ людей специальныхъ въ искусствѣ распознавать душевныя болѣзни, въ опытности врачеванія ихъ, и въ такой рачительности предохранять отъ нихъ себя самихъ, что они въ одно и тоже время представляютъ и правило и примѣръ, и изъ ихъ устъ выходятъ тѣ дѣйствительныя наставленія, которыя сообщаютъ силу убѣжденія ихъ совѣтамъ, разсвѣщаютъ наши обольщенія, раскрываютъ тайныя причины нашихъ слабостей, распутываютъ непонятное сплетеніе нашихъ страстей, со всею ясностію и силою высказываютъ намъ то, о чемъ собственный разумъ и совѣсть наша говорятъ намъ только слабо и едва понятно, и обращаютъ ихъ для насъ въ истинныхъ *наставниковъ*, отвращающихъ къ добродѣтели и направляющихъ наши заблудшія стопы по стезямъ долга.

Да нѣтъ ли уже неоцѣненной пользы въ одномъ фактѣ сближенія души разсѣянной съ душою самособранною, въ этомъ соприкосновеніи и общеніи совѣстей, изъ которыхъ одна, особенно возбуждаемая къ добродѣтели по самому званію своему, ежедневно направляемая къ совершенству участіемъ въ страшныхъ тайнахъ, предохраняемая отъ уклоненія самымъ изытіемъ отъ суетныхъ заботъ и удовольствій насъ развращающихъ, тѣмъ болѣе способная господствовать и управлять волненіями душевными, насъ увлекающими, что смот-

ривъ на нихъ только какъ бы ея берега, и ея опытность постоянно возрастаетъ отъ наблюденія надъ множествомъ нравственныхъ крушеній, обломки которыхъ доносятъ до нея покаянiемъ, изъ которыхъ одна, говорю, такимъ образомъ предохраненная, должна по необходимому влiянiю сообщать другой свою силу и ясность, и становится для нея какъ бы магнитомъ, притягивающимъ къ себѣ желѣзо и сообщающимъ ему свои свойства.

Знаю, что люди, имѣющiе поверхностныя понятiя о Христіанской Религiи и смотрящiе на нее сквозь призму своихъ предубѣжденій, противъ этого говорятъ, что представленное нами изображеніе ея служителей идеально-льстиво, а на самомъ дѣлѣ они преданы тѣмъ же слабостямъ, какъ и другіе, и что въ этомъ отношенiи плоды такого таинственно-покаяннаго обращенія подлежатъ прерѣкашю и даже нерѣдко бываютъ зловредны.

Отвѣтъ на это возраженіе мы пока отложимъ къ концу, а здѣсь скажемъ только слѣдующее:

Во первыхъ, это возраженіе опровергается опытомъ: есть еще столько людей и притомъ людей просвѣщенныхъ, пользующихся исповѣдію, что изъ ихъ устъ и особенно изъ ихъ жизни можно узнать, насколько справедливо все сказанное нами. Пусть намъ укажутъ хоть одного человѣка, который бы удалялся отъ исповѣди, потому что онъ добродѣтельный? Мы даже требуемъ больше, — пусть намъ укажутъ хоть одного такого, который бы не удалялся отъ нея потому, что онъ преданъ пороку? На такое испытаніе, намъ кажется, одна добросовѣстность въ состоянiи рѣшиться.

Съ другой стороны, разумъ самъ по себѣ знаетъ, что есть добродѣтели, свойственныя извѣстному состоянію, и что по одному званію, не говоря уже о сверхъестественныхъ пособіяхъ, христіанскіе пастыри въ значительномъ большинствѣ, по причинамъ уже представленнымъ, должны быть добродѣтельнѣйшіе между людьми. А если присоединить къ этому первому ручательству еще ручательство просвѣщеннаго и благоразумнаго выбора, то вѣрно, каждый легко найдетъ между ними такого мудреца, картину котораго мы представили.

Есть двѣ мѣры для оцѣнки достоинства людей: мѣра высочайшаго совершенства, и мѣра нашего обыкновеннаго состоянія несовершенства. Первую-то всегда и прилагаютъ по отношенію къ служителямъ Религіи и безпощадно осуждаютъ ихъ, когда они не соотвѣтствуютъ этой мѣрѣ совершенства; потомъ отъ злословія легко доходятъ до клеветы, и потому одному, за чѣмъ они—не ангелы, не хотятъ уже видѣть въ нихъ ничего отличнаго отъ прочихъ людей. Судите, однакожъ, объ нихъ по сравненію съ этими прочими людьми, съ вами самими, то есть, цѣните ихъ по второй мѣркѣ, и увидите, сколько предъ вашими глазами откроется въ нихъ преимуществъ.

Истина и справедливость заставляютъ сознаться въ томъ, что клиръ православной церкви отличается значительною чистотою нравовъ и тѣмъ болѣе дѣйствительными достоинствами, что его собственное смиреніе скрываетъ это отъ его противниковъ и кажется какъ будто даетъ право ихъ предубѣжденію видѣть только его слабости. Если въ средѣ его оказываются нѣкоторые члены и не-

достойные, то и они парализуются по отношенію къ злу и проходятъ свои обязанности даже съ сочувствіемъ къ добру, будучи возбуждаемы къ тому священной силою того общества, къ которому они еще принадлежатъ, пока собственное ихъ развращеніе не довело ихъ до отторженія отъ него.

На сей разъ довольно сказаннаго противъ возраженія, которое, впрочемъ, только при извращеніи основнаго правила всякаго справедливаго приговора выставляется противъ кляра людьми, не знающими его и даже хвастающими тѣмъ, что его не знаютъ.

III. Но обратимся прямѣе къ самой исповѣди.

Исповѣдь есть не только установленіе откровенной *довѣренности* и нравственнаго *исправленія*, но главнымъ образомъ она есть *исповѣдь*, то есть, смиренное признаніе во всѣхъ грѣхахъ своихъ, о которыхъ только можетъ припоминать предъ Богомъ совѣсть, вошедшая въ самую себя съ раскаяніемъ. Въ семъ-то смыслѣ она особенно достойна нашего удивленія.

Если есть какой фактъ глубоко естественный и справедливый, такъ это — то, что въ существѣ духа человѣческаго лежитъ потребность искать нравственнаго очищенія въ признаніи. Всеобщее сознаніе, весьма справедливо говоритъ де-Мэстръ признаеть въ добровольной исповѣди, приносимой предъ властію, силу очистительную и заслугу, достойную помилованія. Къ этой цѣли одно и тоже чувство движетъ и мать, допрашивающую дитя относительно разбитой чашки, или вопреки запрещенію съѣденной конфетки, и судью допрашивающаго съ высоты своего судейскаго съдалища вора и разбойника.

Сила этого таинственного установленія, побуждающаго совѣсть раскрываться предъ взорами людей, такъ велика, что преступникъ, будучи не всостояннѣи противиться ей, часто отказывается отъ безнаказанности, которую оставляло бы за нимъ молчаніе, и самъ ищетъ наказанія, котораго могъ бы избѣжать.

Все ведетъ къ признанію святости этой истины. Обратите вниманіе на то, что она обнаруживается не въ одномъ только внутреннемъ движеніи, склоняющемъ преступника къ самоосужденію, но и въ томъ приѣмѣ, какой оказываютъ окружающіе его люди выходящему изъ устъ его признанію, въ отчетности, какую ведутъ объ этомъ, и въ удовольствіи, какое испытываютъ отъ этого въ отношеніи къ нему и къ самимъ себѣ. Иногда цѣлое общество тяготится, чувствуетъ себя стѣсненнымъ молчаніемъ и заирательствомъ преступника, даже и въ такомъ случаѣ, когда не имѣетъ нужды въ его признаніи для скрѣпленія приговора, противъ него произнесеннаго. Оно окружаетъ преступника съ безпокойствомъ, прибѣгаетъ къ возможнымъ мѣрамъ пощады, чтобы расположить его къ откровенному признанію, замолкаетъ и съ какою-то благоговѣйной тишиною прислушивается, не произнесетъ ли онъ, и какъ бы само для себя желаетъ своимъ почтительнымъ вниманіемъ извлечь изъ его груди это драгоцѣнное да, которое какъ только выходитъ изъ устъ самаго гнуснаго изъ чудовищъ нравственныхъ, дѣлаетъ его человекомъ и какъ бы возвращаетъ ему право на снисхожденіе со стороны его обвинителей.

Нѣтъ проступка столь маловажнаго, котораго бы не чернило и не отягощало заирательство;

равно какъ иѣтъ преступленія столь тяжкаго, виновности котораго не ослабляло бы великодушное признаніе. Отъ того въ обществѣ оказывается такое уваженіе къ искренности, что иѣтъ ничего, въ чемъ бы она не могла вымолить прощенія, чего бы не могла загладить, и что объ ней, какъ основаніи чести, можно сказать, что не все еще потеряно, когда не лгутъ. И это потому, что истина, источникъ которой въ Богѣ, есть начало и конецъ всѣхъ обязанностей нашей жизни, какъ высказалъ это поэтъ: *vita impedere vero*. Она составляетъ какъ бы атмосферу и общее средоточіе духовныхъ существъ. Душа добровольно закрывающаяся для истины, умираетъ и сама себя исключаетъ изъ царства духовъ. Истиною мы обязаны къ исполненію всѣхъ должностей, которыхъ она служитъ началомъ, и ею же обязываемся все къ искренности во взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу.

Отсюда, когда мы впадаемъ въ какой нибудь проступокъ, съ того времени на насъ лежитъ тройкій долгъ въ отношеніи къ нарушенной истинѣ: во первыхъ, внутренню оттолкнуться отъ проступка и отречься отъ него, какъ отъ своей собственности, рѣшительнымъ раскаяніемъ; во вторыхъ, во внѣшнемъ отношеніи сознаться въ немъ съ тою цѣлю, чтобы возстановить основанное на истинѣ общеніе съ нашими ближними; въ третьихъ, вознаградить тотъ вредъ или убытокъ, какой могъ быть причиненъ нашимъ проступкомъ, и во всякомъ случаѣ, изъ уваженія къ истинѣ и справедливости, представить видимое доказательство удовлетворенія, соотвѣтственно нашему проступку.

Такимъ образомъ во всякой искренней исповѣди, даже по простому естественному взгляду, должно быть три условія: раскаяніе, признаніе и удовлетвореніе. Эти три условія нераздѣльны между собою и другъ друга взаимно пополняютъ, а все вмѣстѣ составляютъ полную исповѣдь. Но въ нѣкоторомъ смыслѣ главное между ними—признаніе; такъ какъ оно соединяетъ собою два другія, доводитъ до совершенства раскаяніе и полагаетъ начало удовлетворенію. Поэтому признаніе должно быть разсматриваемо, во первыхъ, само въ себѣ, потомъ какъ выраженіе раскаянія, и наконецъ, какъ основаніе удовлетворенія.

Теперь мы стали въ самой сущности нашего предмета, и оказывается, что согласіе исповѣди съ природою человѣческою, а вмѣстѣ и единство въ семъ отношеніи богословія съ философіею таковы, что разсуждая о семъ предметѣ только съ точки зрѣнія чисто-естественной и философской, мы въ тоже время разсуждаемъ о немъ и съ точки зрѣнія богословской и религіозной.

Признаніе, разсматриваемое само въ себѣ, есть прежде всего долгъ, которой лежитъ на насъ и который мы должны уплатить истинѣ и обществу. Слово дано человѣку для выраженія его мыслей и чувствъ и вообще внутренняго состоянія душевнаго; поэтому оно должно быть въ неразрывной связи и совершенномъ единствѣ съ определеннымъ состояніемъ нашей души, всегда служить какъ бы свободнымъ и безпрепятственнымъ путемъ истины, которой бы никакая неправда не задерживала на немъ и не останавливала, какъ плѣнницы. Во вторыхъ, мы все подлежимъ суду общества, къ которому принадлежимъ, какъ его члены,

и отвѣчаемъ предъ нимъ за истину и правду. Общество по отношенію къ каждому изъ насъ обязано имѣть довѣріе, а мы по отношенію къ обществу обязаны поступать всегда по истинѣ и правдѣ. Наша жизнь условливается его уваженіемъ и довѣріемъ къ намъ, но только подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы мы съ своей стороны не обманывали его на счетъ дѣйствительности того достоинства, какое оно прописываетъ намъ по своему убѣжденію. Поэтому когда подлинное наше достоинство не таково, какимъ оно представляется для другихъ, мы изъ уваженія къ истинѣ, и равно изъ уваженія къ обществу, должны откровенно объяснить на этотъ счетъ и возстановить священную гармонию, долженствующую всегда существовать между мыслию и словомъ, между частною личностію и великою личностію общества. (*) Отсюда является въ насъ то тягостное положеніе духа, которое мы испытываемъ, когда мы принуждены бываемъ слушать похвалу добродѣтели не-

(*) По истинѣ, говорить Монтэнь, ложь есть гнусный порокъ, который очень постыдно представляется у одного изъ древнихъ писателей, когда онъ говоритъ, что лгать значитъ представлять свидѣтельство безумнаго презрѣнія въ отношеніи къ Богу и малодушнаго страха со стороны людей. Мы, какъ люди, только посредствомъ слова относимся другъ къ другу, а кто обращаетъ его въ орудіе лжи, тотъ измѣняетъ обществу. Слово есть единственный органъ, посредствомъ котораго сообщаемъ другъ другу наши мысли, чувства, желанія и пр. Это толмачъ нашей души, который если лжетъ, мы оказываемся несостоятельными, не понимаемъ другъ друга. (Essais, chap. IX. et. XVIII).

бывалой или уже измѣнившейся, или когда благопріятствуемъ какой нибудь лжи однимъ только молчаніемъ съ нашей стороны (*). Въ такихъ случаяхъ не объясниться значить лгать, обманывать, измѣнить истинѣ, измѣнять и обществу. Отсюда происходитъ и то справедливое отвращеніе, какое возбуждается въ насъ къ лицемерію. После всего этого, можно сказать, что всякой исповѣдующійся, есть въ извѣстномъ смыслѣ лицемеръ, или по крайней мѣрѣ виновенъ въ измѣнѣ истинѣ. Поэтому слѣдовало бы, чтобы вся жизнь наша, даже сокровенныя мысли наши, если возможно, были прозрачны, и мы были бы подобны кристаллу. Въ такомъ случаѣ мы находились бы въ непрерывномъ состояніи общественной исповѣди. Поэтому исповѣдь на самомъ дѣлѣ должна бы быть общенародною, каковою она и была въ первенствующей церкви, но ей всегда, однакожь, предшествовала частная предъ духовникомъ исповѣдь, необходимая для полученія благолатнаго отпущенія грѣховъ. Только папа Левъ, въ началѣ пятого вѣка, отмѣнилъ общенародную исповѣдь, оставивъ во всей силѣ исповѣль тайную; это обстоятельство, между прочимъ, надобно замѣтить, послужило поводомъ къ несправедливому мнѣнію, будто въ эту только пору и была установлена эта исповѣдь,—мнѣнію, для

(*) Разъ на-всегда, не говорите мнѣ никогда о моей невинности, и не думайте такъ о недостойнѣйшемъ изъ грѣшниковъ; я вамъ говорю это чистосердечно, изъ опасенія, чтобы мнѣ при другихъ моихъ грѣхахъ не заразиться еще и порокомъ лицемерія. Это слова Боссюэта. (Lettre XXI — au marechal de Bellefouds, ed. Panth. t. II. p. 18

опроверженія котораго достаточно прочитатъ самый текстъ опредѣленія св. Льва; хотя бы мы удревнѣйшихъ отцовъ церкви, въ Дѣянїяхъ и Посланїяхъ Апостоловъ и въ самомъ Евангелїи ничего не читали касательно положительныхъ заповѣдей и употребленїя исповѣди въ первыя времена церкви (*). Хотя по основательнымъ причинамъ, приведеннымъ въ опредѣленїи св. Льва, общественная исповѣдь и отмѣнена; но начало, изъ котораго мы выводили ея необходимость, тѣмъ не менѣе остается въ своей силѣ и тѣмъ съ большею пользою служить въ защиту частной исповѣди, что въ основанїи ея кромѣ того лежитъ еще совершенно частная причина. Итакъ, вмѣсто того чтобы возставать противъ обязательнаго закона касательно этой частной исповѣди

(*) Вотъ что говоритъ св. Левъ касательно публичной исповѣди: „воспрещаю дѣлать публично объявленїя, въ которыхъ кающїеся словесно или письменно исчисляють подробно всѣ содѣянные ими грѣхи: довольно и того, чтобы они на тайной исповѣди открывали священнику грѣхи, въ которыхъ сознають себя виновными. Безъ сомнѣнїя достойны похвалы тѣ, кто по силѣ своей вѣры, не боится посредствомъ исповѣди раскрыть свою совѣсть предъ людьми, потому что эта ихъ рѣшимость свидѣтельствуеть, что они глубоко проликнуты страхомъ Господнимъ; но такъ какъ между кающимися могутъ быть и такїе, кои по справедливости боятся публично открыть свои грѣхи, тои надобно отмѣнить этотъ обычай, дабы многїе не лишались врачевства покаянїя или по стыдливости, или по опасенїю открыть своимъ противникамъ дѣла достойныя казни гражданской; ибо достаточно исповѣди, сдѣланной предъ Богомъ и потомъ предъ священникомъ“ (Epist. CXXXVI, ab. Quesnel. p. 356.).

вѣди, мы должны бы видѣть въ немъ смягченіе естественной обязанности по отношенію къ исповѣди публичной.

Эта мысль раскрыта у Паскаля. Доказавши, что не только не слѣдуетъ сердиться на тѣхъ, кто открываетъ намъ наши несовершенства, а напротивъ должно быть благодарнымъ за то, потому что они оказываютъ намъ услугу, выводя насъ изъ состоянія невѣдѣнія о самихъ себѣ, и возстановляя истину во мнѣніи о насъ другихъ, онъ продолжаетъ такъ: «свотъ чувства, долженствующія родиться въ сердце, преданномъ справедливости и правосудію. Что же мы должны сказать о нашемъ сердцѣ, когда замѣчаемъ въ немъ расположенія, совершенно противоположныя? Вотъ испытаніе, наводящее на меня страхъ. Вѣра христіанская не налагаетъ обязательства открывать свои грѣхи безразлично предъ всеми людьми; она допускаетъ, чтобы они оставались тайною для всехъ другихъ, кромѣ одного человѣка, предъ которымъ по ея внушенію, надобно раскрыть всю глубину сердца и выставить его такимъ, какъ оно на самомъ дѣлѣ. Только этого человѣка одного въ мірѣ вѣра уполномочиваетъ образумливать насъ и обязываетъ его ненарушимо хранить нашу тайну; почему свѣдѣнія о нашей жизни, какія мы сами ему передаемъ, какъ бы и не существуютъ. Можно ли представить болѣе снисходительности и нѣжной любви? Однакожь развращеніе человѣческое простирается до такой степени, что и въ этомъ законѣ находитъ строгую жестокость, что и было одною изъ главныхъ причинъ, побудившихъ значительную часть Европы возстать противъ церкви. Сколько несправедливо и безразсудно сердце человѣче-

ское, когда ему представляется противною обязанность открывать предъ однимъ человѣкомъ то, что, по справедливости, надлежало бы открывать нѣкоторымъ образомъ предъ всеми людьми! Ибо справедливо ли, когда мы обманываемъ людей?»

Таково значеніе признанія, разсматриваемаго въ самомъ себѣ. Теперь разсмотримъ его по отношенію къ раскаянію.

Всѣ согласны въ томъ, что нравственность для души человѣческой имѣетъ такое же значеніе, какъ и здоровье для тѣла; это требуетъ рѣшительнаго очищенія отъ недостатковъ и пороковъ нравственныхъ, а для этого необходимы: изслѣдованіе и познаніе ихъ, раскаяніе въ нихъ, заглаженіе ихъ послѣдствій, предупрежденіе ихъ возврата.

Такой подвигъ исправленія, обязательный для всякаго человѣка по его назначенію и призванію Божию къ тому, предполагаетъ внимательное самонаблюденіе, испытаніе собетвенной совѣсти, и внутреннюю сердечную исповѣдь. Но все это, положительно утверждаю, будетъ бесплодно безъ исповѣди словесной, или устной.

«Въ отличіе отъ болѣзней тѣлесныхъ, болѣзни душевныя, говоритъ одинъ языческій философъ, тѣмъ менѣе ощущаются, чѣмъ онѣ важнѣе. Не удивляйся этому: когда бываютъ въ полусонномъ состояніи и хотя неопредѣленно, но сознаютъ еще дѣйствіе предметовъ виѣшнихъ, то нерѣдко случается, что въ этомъ состояніи сохраняютъ сознаніе о томъ, что находятся во снѣ; а глубокій сонъ уничтожаетъ даже самыя сновидѣнія и ложится на душу такую тяжестью, что отнимаетъ у нея всякую возможность пользоваться своими

разумными силами. Отъ чего скрываемъ мы собственные пороки? Отъ того, что совершенно въ нихъ погрязаемъ: *исповѣданіе* своихъ грѣховъ есть признакъ выздоровленія. Итакъ пробудимся, чтобы обличать самихъ себя въ своихъ заблужденіяхъ и грѣхахъ. (*)»

Дѣйствительно, таково свойство грѣха, что онъ не только дѣлаетъ душу преступною, но вмѣстѣ постепенно ослабляетъ въ ней чувствительность къ грѣховнымъ мыслямъ, притупляетъ и окончательно портитъ ея нравственное чувство. Въ первую минуту преступленія совѣсть, непременно, возстаетъ и подаетъ сильный голосъ противъ него; но потомъ, пораженная бесплодною евоихъ воплей, она упадаетъ и уже перестаетъ относиться къ преступленію съ прежнею чувствительностію. Въ ней, какъ лихой жилецъ, поселяется грѣхъ, поражаетъ ее нѣмотою, всецѣло овладѣваетъ ея, въ самой глубинѣ ея устрояетъ себѣ логовище, въ которомъ и скрывается, и оттуда издаетъ свой одуряющій и смертоносный чадъ, которому душа мало по малу поддается до того, что уже лишается и сознанія о своемъ состояніи. Тутъ она впадаетъ, какъ говоритъ Сенека, въ глубокій сонъ, уничтожающій даже сповѣданія, и по крайней мѣрѣ въ состояніе тяжелой дремоты, въ которомъ только смутно и неопредѣленно различаетъ предметы.

Какъ же вы хотите, чтобы душа сама собою вышла изъ этого обумореннаго состоянія? Для э-

(*) *Vitia sua confiteri sanitatis indicium. Expergiscamur ergo, ut errores nostros coarguere possimus. (Senec. Epist. LIII.)*

того необходимо, чтобы она стала строго и безпристрастно судить саму себя, вѣрно познала и опредѣлила важность своихъ преступленій; а это ей возможно сдѣлать не иначе, какъ чрезъ сравненіе своего состоянія съ идеаломъ совершенства нравственнаго, но этотъ-то идеаль и закрываютъ отъ ея сознанія ея собственные пороки. Въ этомъ зеркалѣ, потускнѣвшемъ отъ ея собственнаго дыханія, она не можетъ уже видѣть раздѣльно и отчетливо саму себя. Все въ ней покрыто туманомъ, все смѣшано и темно: оттѣнки между добромъ и зломъ утратили уже для нея свое различіе. А о томъ, что кромѣ всего этого гордость всегда находить и представляетъ самые благовидные предлоги къ извиненію нашихъ преступленій, и говорить нечего.

Необходимо положить конецъ этому губельному очарованію, необходимо *пробудиться*. А для этого одно только средство — поставить себя въ соприкосновеніе и союзъ съ душою бодрствующею, хранящею въ себѣ, какъ святыню, идеаль совершенства нравственнаго, первообразъ добра, при посредствѣ котораго только и могутъ представиться нашему сознанію въ подлинномъ видѣ наши собственные пороки. Необходимо, значитъ, открыть душу для свѣта истины, изгнать гордость противоположнымъ ей свойствомъ, однимъ словомъ надобно *исповѣдываться*.

Не для того, говорю надобно исповѣдываться, чтобы сдѣлать извѣстными другому наши грѣхи, но для того, чтобы мы сами вѣрно сознали ихъ и почувствовали. — *Познай самого себя*, это было задачею древней мудрости. Рѣшеніе этой задачи — въ *исповѣди*.

Дѣйствительно, кто хочет имѣть правильное понятіе о самомъ себѣ, тому надобно это понятіе свое согласить съ понятіемъ, какое имѣютъ о немъ другіе; надобно судить о себѣ такъ, какъ судятъ о насъ другіе, а для этого необходимо, чтобы мы раскрывали предъ ними самихъ себя. Эта мысль имѣетъ свое приложеніе даже и тогда, когда и эти другіе подвержены бываютъ такъ же слабостямъ, какъ и мы. Ибо по ослѣпленію гордости мы только въ самихъ себѣ не замѣчаемъ тѣхъ пороковъ, какіе видимъ въ другихъ, и тотъ, кто не ощущаетъ бревна въ собственномъ глазѣ, замѣчаетъ даже малѣйшую соломинку въ глазѣ своего ближняго.

А если исповѣдь можетъ имѣть такое дѣйствіе, даже тогда, когда она совершается предъ человѣкомъ недостойнымъ; то каково ея дѣйствіе должно быть тогда, когда тотъ, предъ кѣмъ мы исповѣдываемся, бываетъ свободенъ, сколько это возможно для нашей природы, отъ пороковъ, какими страдаемъ мы, когда онъ, какъ служитель закона, воспитанъ въ его изученіи, въ уваженіи къ нему, въ исполненіи его, озаренъ его свѣтомъ, проникнуть чувствомъ его святости, одушевленъ ревностію къ нему, когда онъ самъ есть какъ бы живой законъ? Одна мысль о сближеніи нашей души съ душою такого человѣка и о судѣ, какой произнесетъ надъ нашимъ состояніемъ нравственнымъ, какъ сильно можетъ подѣйствовать на нашу совѣсть, какъ можетъ потрясти ея безпечность, изъ самой внутреннѣйшей глубины ея поднять въ ея сознаніи всѣ тѣ преступленія, которыя она безразлично допускала, и которыя спокойно въ ней жили, подобно морскимъ чудовищамъ, плавающимъ

по глубинѣ океана и непроизводящимъ никакого волненія на его поверхности! Что же сказать, когда таже совѣсть сознаетъ наконецъ благотворную необходимость раскрыться со всею искренностію и вполне предать себя суду такого челоуѣка? Въ такомъ случаѣ, тяжесть ея преступленій ей самой предетавится такою, какой она не подозрѣвала въ нихъ; все они выступаютъ предъ нею раздѣльно, предстануть предъ ея взоромъ въ своемъ подлинномъ видѣ, подавляющей многочисленности и страшномъ безобразіи; а отъ этого не можетъ не родиться въ душѣ, или усилиться и достигнуть до высшей степени глубокое раскаяніе и сожалѣніе о содѣянныхъ преступленіяхъ и естественный страхъ, какъ бы еще не подвергнуться тѣмъ же грѣхамъ.

Обратите особенное вниманіе на взаимное отношеніе двухъ психологическихъ явленій, въ семь случаѣ открывающихся, которыя обстоятельно изъясняются послѣдними выраженіями, приведенными изъ Сенеки. Онъ говоритъ, что мы только потому не сознаемъ, не чувствуемъ своихъ грѣховъ, что ими душа наша погружается въ состояніе сна; а вельдъ за тѣмъ присовокупляетъ: *«исповѣдывать свои грѣхи есть признакъ выздоровленія; и такъ пробудимся и станемъ обличать самихъ себя въ своихъ грѣхахъ.»* Дѣйствительно, чтобы исповѣдать свои преступленія надобно сначала сознать ихъ, и тѣмъ положить начало, показать признакъ нравственнаго пробужденія и способности къ выздоровленію; а чтобы совершалось это самое пробужденіе и выздоровленіе, надобно исповѣдывать свои преступленія. Такимъ образомъ исповѣдь и нравственное пробужденіе души взаим-

но условливаются между собою и обратно дѣйствуютъ другъ на друга. Когда мы исповѣдуемъ свои грѣхи, мы сознаемъ ихъ важность, чувствуемъ ихъ тяжесть; а это сознание, это чувство сами собою побуждаютъ насъ къ исповѣди. Свѣтъ истины, проникая въ душу, изгоняетъ изъ нея грѣхи посредствомъ исповѣди; а грѣхи, изгоняемые посредствомъ исповѣди, открываютъ возможность проникать въ душу въ большей и большей мѣрѣ свѣту истины, который развиваетъ въ насъ большую и большую потребность исповѣдывать грѣхи, такъ что когда эти два явленія дѣйствуютъ другъ на друга вполне и безпрепятственно, то душа наша мало по малу входитъ въ полное обладаніе истиною и становится свободно отъ власти грѣховъ своихъ. Такимъ образомъ исповѣдь есть рѣшительное противодѣйствующее средство, какъ бы *рвотное* (по выраженію Оригена), которое своимъ дѣйствіемъ выгоняетъ изъ души вмѣстѣ съ грѣховными дѣлами нашими и самую причину грѣха. (*)

Сколько есть душъ, считающихъ себя едва не святыми, въ которыхъ правильная и искренняя исповѣдь вывела бы на свѣтъ такія темныя пятна, какихъ они и не подозреваютъ въ себѣ, и обнаруженіе которыхъ далеко поблизло бы питаемое ими уваженіе къ самимъ себѣ, и пробудило бы въ нихъ добрыя намѣренія и усиленное стараніе о приобрѣтеніи добродѣтели, сугубо спасительной по своимъ плодамъ!

(*) Dum accusat semetipsum, et confitetur, simul evomit et delictum atque omnem movi digevit causam. Hom. II in Psal. XXXVII. t. 1. ed. Jroben. p. 529.

Такимъ образомъ признаніе во грѣхахъ оправдывается не только само по себѣ, но и какъ средство къ познанію нашихъ слабостей и орудіе, возбуждающее насъ къ раскаянію и способствующее къ нашему нравственному исцѣленію.

Мы сказали еще, что оно служитъ началомъ удовлетворенія.—Дѣйствительно, мы обязаны удовлетворить за тѣ вины, которымъ подлежимъ за свои преступленія, и это удовлетвореніе необходимо требуется не только справедливостію, какую мы должны имѣть въ отношеніи къ истинѣ, но и нашею собственною потребностію освободиться отъ власти грѣха и заглаженіемъ нашихъ преступленій. Сколько бы мы ни размышляли о нашихъ слабостяхъ и преступленіяхъ, сколько бы ни исповѣдывались въ нихъ внутренно и какъ бы добровольно ни отрекались отъ нихъ,—что, впрочемъ, какъ замѣчено было, не можетъ имѣть мѣста безъ внѣшняго признанія,—мы никогда не достигнемъ того, чтобы не повторять тѣхъ же проступковъ, чтобы опять не заключать союза съ ними, пока не уплатимъ выкупа за нихъ. Всякой разъ когда мы совершаемъ преступленіе, мы ищемъ какого нибудь удовольствія, недозволеннаго нравственною правдою, и за это запрещенное удовольствіе мы продаемъ собственную невинность. Поэтому, если желаемъ возратить свою невинность, мы должны понести возмездіе за это запрещенное удовольствіе;—но какъ? Не иначе, какъ лишая себя удовольствія дозволеннаго, и подвергаясь наказанію добровольному. Какому же наказанію?

Очистительное наказаніе, должно, сколько возможно, служить противодѣйствіемъ преступному удовольствію. Но разсмотрите внимательно, и най-

дете, что корнемъ и источникомъ всякаго преступнаго удовольствія служитъ непокорность, гордость.—Какого бы свойства ни были обольщенія, увлекающія насъ къ нарушенію долга, совѣсть вопіеть, осуждаетъ насъ своимъ закономъ даже въ самую минуту преступленія; она даетъ намъ чувствовать свою власть и нашу зависимость отъ ея велѣній, она твердитъ намъ: «это запрещено». Слѣдственно, послѣднее движеніе грѣховности, — то, которымъ довершается преступленіе, и которое составляетъ его сущность, есть не покорность, мятежное возстаніе гордыни: «что за нужда, я хочу принадлежать самому себѣ; прочь обязанность, не хочу быть слугою.» Вотъ окончательное рѣшеніе грѣха. Поэтому судите, какъ справедливо то, что постыдное униженіе и послушаніе, въ противоположность гордости и непокорности, во все времена были признаваемы за основныя условія къ очищенію отъ грѣха. Стыдъ и униженіе не сами собою удовлетворяютъ за грѣхи, но всегда необходимы для того, чтобы совершалось очищеніе, это дверь, которою возвращаются къ законному порядку равно, какъ гордость есть тоже дверь, которою отъ него отступаютъ.

Вотъ чѣмъ объясняется та естественная потребность признанія въ своихъ грѣхахъ, которая столь поучительна для преступной совѣсти. Это — потребность освободиться отъ грѣховъ посредствомъ заглаженія грѣховъ: расплатиться за нихъ стыдомъ и униженіемъ: «да, я преступникъ, я жалкій грѣшникъ. Нечего оправдывать и извинять меня, я самъ хочу осудить самого себя; я достоинъ одного презрѣнія, одного мученія.» Таковы вопли искренняго раскаянія. И счастливъ тотъ, чьи подобные

вопли могутъ быть выслушаны, кто цѣною столь жгучаго стыда и униженія можетъ быть освобожденъ отъ мучительнаго сознанія своей виновности! Тогда душа ощутительно разрѣшается отъ своихъ грѣховныхъ узъ, рѣшительно отрекаясь отъ своей собственности грѣховной; даже унижительный стыдъ признанія во грѣхахъ снимаетъ ихъ съ совѣсти, и она чувствуетъ,—осмѣлюсь сказать,—какъ они скользятъ по ней, оставляютъ ее, подобно змьи, сбрасывающей съ себя старую кожу.

Это не значитъ, чтобы однимъ этимъ ограничивалось удовлетвореніе за грѣхи; нѣтъ, грѣшникъ еще остается должникомъ предъ нравственною правдою и его покаяніе должно продолжаться и достигать степени совершенства соответствующей его грѣховному испаденію. Но здѣсь уже положено начало удовлетворенію за грѣхи: грѣшникъ исповѣдавшій свои беззаконія уже стоитъ на пути исправленія и примиренія съ своею совѣстію, на пути нравственнаго исцѣленія.—Такова сила и значеніе искренняго признанія во грѣхахъ, разсматриваемаго, какъ средство и условіе къ изглаженію ихъ.

Всѣмъ вышеизложеннымъ можно воспользоваться при разрѣшеніи главнаго возраженія выставяемаго противъ исповѣди.—Сущность этого возраженія состоитъ въ томъ, что должно, говорить, исповѣдываться Богу; такъ какъ предъ Нимъ мы согрѣшаемъ и Онъ одинъ имѣетъ власть надъ нашею душою; съ этимъ нельзя не согласиться; но слишкомъ тягостно и даже нестерпимо допустить, чтобы я призналъ себя обязаннымъ исповѣдываться предъ человѣкомъ и притомъ такимъ же грѣшникомъ, какъ и я самъ. — Отвѣчать противъ этого

мнѣнія нетрудно, послѣ того что уже высказано объ исповѣди. Во первыхъ, предъ обществомъ человѣческимъ мы обязаны быть искренними и откровенно, по сущей правдѣ, давать ему отчетъ о нашемъ внутреннемъ достоинствѣ, или недостоинствѣ, а это не иначе возможно, какъ подъ условіемъ исповѣди, покрайней мѣрѣ, частной, и касательно излишества того уваженія, какое оказываетъ намъ общество по предположенію несуществующихъ въ насъ заслугъ и достоинствъ. Во вторыхъ, чтобы истина и дѣйствительна была наша исповѣдь предъ Богомъ, необходимо приносить ее предъ человѣкомъ. Основаніе такой необходимости понять нетрудно: послѣ того какъ грѣхами нашими помрачена у насъ въ сознаніи идея о Богѣ, обезсилена и подавлено нравственно-религіозное чувство, мы можемъ надлежащимъ образомъ познать свое грѣховное состояніе и съ должнымъ сокрушеніемъ раскаяться въ своихъ беззаконіяхъ не иначе, какъ подвергнувъ свою совѣсть безпристрастному суду другаго, и по преимуществу суду служителя Божія, власти котораго ввѣрено храненіе законовъ религіозно-нравственныхъ. Наконецъ, приведеніе грѣшника въ сознаніе, составляющее основное условіе очищенія отъ грѣховъ и неизбежное послѣдствіе исповѣди, можетъ быть съ успѣхомъ совершено не иначе, какъ подъ условіемъ чистосердечнаго признанія во грѣхахъ предъ человѣкомъ; такимъ образомъ послѣдняя мысль возраженія легко обращается въ его опроверженіе; потому именно тягостно исповѣдываться предъ подобнымъ себѣ человѣкомъ, что это необходимо для очищенія отъ грѣха, для прерванія всякой связи съ нимъ.

Думаемъ, что мы и съ точки зрѣнія философскаго оправдали необходимость внѣшняго признанія во грѣхахъ какъ самаго въ себѣ, такъ и по отношенію къ искренности раскаянія и дѣйствительности удовлетворенія за грѣхъ, признанія, составляющаго душу исповѣли.

(Продолженіе будетъ.)

Редакторъ: Протоіерей Іоаннъ Москвинъ.

Съ дозволенія цензуры 23 Іюля 1868 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.